

далеко отступаютъ сознательные принципы и предрасудки.

А въ „Ходынкѣ“ Толстой не только элементарными средствами воспроизвелъ весь ужасъ катастрофы, но и возвысилъ надъ нимъ умиляющее впечатлѣніе отъ рабочаго Емельяна, который спасъ княжну Голицыну и не захотѣлъ получить за это никакой награды, потому что въ душѣ его поднялось нѣчто такое сильное, чего не промѣнялъ бы онъ на двухсоттысячный выигрышъ; и только попросилъ онъ спасенную барышню, усаживая ее на извозчика, чтобы она не увезла печально его пальто. „И онъ улыбнулся такой бѣлозубой радостной улыбкой, которую Рина вспоминала, какъ утѣшеніе, въ самыя тяжелыя минуты своей жизни“. Можетъ быть, эта улыбка человѣческой доброты, простодушія и безкорыстія утѣшала въ трудныя минуты и самого Толстого. Могло утѣшать его и то, что Михайла („Отъ ней всё качества“) не только отпускаетъ Прохожаго, который укралъ у него чай и сахаръ, но и дарить ему эту покунку. А вѣдь такъ недавно великодушный Михайла билъ свою жену, „надъ женскимъ поломъ эксплуатацію производил“. А женскій полъ этотъ, Марфа рада тому, что Прохожій не воспользовался подаркомъ, не унесъ чаю и сахару,—осталось на заварку. Такъ жизненно-будничные штрихи, неидеализованная правда, грубая реальность съ высокими порывами духа безъ эффекта и позы, безъ красоты сплетаются въ одну